

Марина

СЕРОВА

ЧУДОВИЩНЫЙ

СЛОВОР

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохрани́тель Евге́ния Охотникова

Марина Серова

Чудовищный сговор

«Научная книга»

1998

Серова М. С.

Чудовищный сговор / М. С. Серова — «Научная книга»,
1998 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

Вот чего не ожидала Женя Охотникова, так это столкнуться с представителями «голубой» тусовки: ей поручена охрана юного любовника бизнесмена Кургулина. Внезапная смерть самого бизнесмена вынуждает Женю взяться за расследование своего работодателя. Последовавшая за этим цепочка убийств «голубых» выводит Женю на след преступника...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Серова

Чудовищный сговор

ГЛАВА 1

Оставалось каких-то пять секунд до того момента, когда Клинт начнет стрелять.

Условность, конечно, но на то и законы жанра. Положительный и отрицательный герои долго смотрят друг другу в глаза, медленно опускают руки к кобуре с «кольтом», а потом один из них все-таки успевает выстрелить первым. Причем даже ежу понятно, что этим первым будет именно положительный герой.

Но без этой сцены вестерн все равно что зима без снега и лето без жары. И, как любое лето и зима чем-то отличаются от предыдущих, так и главная сцена вестерна должна иметь какие-то интересные нововведения при сохранении исходных условий.

В этом фильме перестрелка имела место в салуне, банальнее, казалось бы, некуда.

Но Клинт Иствуд на то и Клинт Иствуд, что против него был не один злодей-шериф, а еще пять подонков с револьверами и ружьями.

Стрелять начали почти одновременно, но Клинт выиграл доли секунды, и ему удалось положить всех своих врагов. При этом в него не попало ни одной пульки. Может быть, потому, что команда шерифа в этом самом салуне хорошенько приняла на грудь?

Впрочем, логика тут неуместна. Зритель, в том числе и я, получает то, что он рассчитывал получить. Он удовлетворен совпадением ожидаемого и свершившегося, и ему хорошо. Актерам и продюсерам тоже.

– Ты будешь обедать перед уходом? – раздался из кухни голос тетушки Милы.

– Пожалуй, нет, – отозвалась я. – В такую жару есть что-то не хочется.

Я взглянула на циферблат электронных часов, стоящих на серванте.

Без пятнадцати два. В половине третьего у меня назначена встреча.

Позвонил какой-то мужчина, отрекомендовался знакомым моих знакомых. Назвал фамилию человека, которому я в свое время помогла переправить довольно крупную сумму наличных из одного офиса в другой. При том, что все четко знали – на машину с деньгами обязательно будет совершено нападение. Плюс существенное добавление – милицию в этом деле, равно как и охранные структуры, задействовать было нельзя. По целому ряду причин.

Звонивший не представился. Сказал, что ему необходимо со мной встретиться, и предложил нам «совпасть», как он выразился, на набережной.

На набережной так на набережной, почему бы и нет. Но у меня выработалась стойкая привычка обязательно осматривать местность перед тем, как на данном пространстве произойдут какие-то события. Правильно провести диспозицию, если, конечно, есть такая возможность, – и считай, что половина дела уже сделана.

Чтобы попасть на нужное место минут за двадцать до назначенного срока, мне следовало собираться уже сейчас. Я бросила последний взгляд на экран телевизора, по которому под музыку кантри шли красные титры на черном фоне. Фильм заканчивался, Клинт Иствуд медленно трусил на лошаденке по прерии, усталый, но довольный.

Звуки флейты и банджо перекрывал шум, доносящийся со двора.

Я выглянула в окно и увидела толпящуюся возле соседнего подъезда группу людей. Судя по их напряженно-скорбному и в то же время деловому виду, это были похороны, и публика ожидала выноса тела.

– Мила, – обратилась я к тетушке, – ты не знаешь, кого там хоронят?

Словно в ответ на вопрос раздался звонок в нашу дверь. Тетя оторвалась от очередного триллера – она недавно перечитала сорок томов Агаты Кристи, устала от детективов, и теперь ей хотелось чего-нибудь погорячее – поспешила в коридор и открыла дверь.

На пороге стояла соседка по лестничной площадке Матильда Карловна – дама лет шестидесяти с жиденькими косичками навывпуск.

– Милочка, – обратилась она к тетушке, – ты представляешь, какой кошмар! Какие времена настали, а?

– Да? И какие же? – рассеянно осведомилась моя тетушка.

Ее мозги были заполнены перестрелкой на бензоколонке где-то на окраине Орегона из романа Хэмфри Аксмана «Я приду выпить вашу кровь», и Мила еще не окончательно включилась в реальность.

– Ужасные! – всплеснула руками Матильда Карловна. – Неужели вы не в курсе?

– Смотря чего.

– У тети Клавы, кассирши из овощного магазина, что через дорогу, сына убили! – поведала Матильда Карловна. – Ни за что ни про что.

– Ужасно, – согласилась с ней Мила. – Так это его сейчас хоронят?

– Ну да, – проговорила Матильда Карловна. – Сейчас выносить будут, я побегу, а то не успею. И вы собирайтесь, Милочка!

Эту фразу соседка договаривала уже на ходу, сбегая по лестнице через две ступеньки.

– Ах вот оно что! – почесала переносицу тетя Мила. – А я-то думала – кого это там хоронят? Оказывается – сына тети Клавы. Теперь все ясно.

Она вернулась в свою комнату, снова уселась на диван с ногами и снова вплыла в роман Аксмана, откуда ее так грубо выдернули в реальную жизнь.

Выйдя на пенсию, тетя Мила большую часть своего времени проводила за чтением детективной литературы. Эта пламенная страсть, на мой взгляд, имела одно очень интересное объяснение.

Моя любимая тетушка, трудясь в области юриспруденции, всю жизнь имела дело с теоретическим, так сказать, аспектом реальности. Читая лекции в милицейской академии, консультируя следователей, она соприкасалась с аспектом практическим. А сейчас, когда досуг стал занимать большую часть ее времени, периодически выкраиваемого для беседы с абитуриентами и репетиторства, тетя Мила с головой ушла в идеальный аспект криминальной сферы.

Чтение давало ей возможность на один вечер погрузиться в четко отлаженную модель реальности, каковую предоставлял детектив, проверить свои аналитические способности и вынести суждение об авторе, его способностях строить сюжет и подчас упрекнуть его в неточностях или шулерской игре с читателем.

– Это, дорогая моя, как в жизни. Невозможно выстроить кристально четкий сюжет. Какая-нибудь зазубринка да объявится. Но зачем же автору самому усугублять свои недостатки? Ведь старый дворецкий ни в коем случае не может быть преступником! Это против всех правил! – заявила мне как-то вечером раздраженная тетя Мила, потрясая каким-то переплетным романом.

Мало-помалу тетя Мила и меня втянула в свое хобби. Я глотала один роман за другим, но у меня пока что это не принимало таких тотальных масштабов, как у нее.

Я еще как-то «держалась» по двум причинам. Во-первых, давняя, но усиливающаяся с каждым годом любовь к кинематографу.

Здесь я могла бы дать фору любому кинокритику. Помимо тысяч фильмов, просмотренных мной, я еще обладала, скажу без ложной скромности, феноменальной памятью. Однажды областная газета вздумала проводить еженедельный конкурс знатоков кинематографа. Через месяц газетчики вынуждены были свернуть этот проект, поскольку я четырежды получала суперпризы, и потом моя тетушка раздаривала тефалевскую посуду по своим знакомым.

Во-вторых, я все же была не столь свободна, как тетушка. Работа есть работа, и подчас она сжирала сутки за сутками, не оставляя и секунды того бесценного материала, который в армии называется личным временем.

– Вы работаете по специальности? – спросила меня одна дама из статистического комитета, пришедшая как-то вечером с ворохом бумажек под мышкой. – Да вы не бойтесь, опрос у нас анонимный.

– А я и не боюсь, – пожала я плечами. – Пишите, что по специальности.

Хорошо, что в этот раз статистикам не пришло в голову выяснять, по какой именно специальности я работаю. Впрочем, в дипломе, если бы я его имела, было бы написано: «референт, переводчик».

Какая-то доля правды в этом была. Я действительно могла бы исполнять эти обязанности, которые, впрочем, не исчерпывали и сотой доли навыков и умений, приобретенных мною за время учебы.

По окончании вуза мы могли заниматься как диверсионно-подрывной работой, так и вождением транспортных средств в особо трудных условиях; как переводами с африканских языков, так и восточными боевыми искусствами. Нас готовили по очень широкому профилю, причем с каждым студентом занимались индивидуально.

Впрочем, я оговорилась – не со студентом, а со студенткой. В это закрытое учебное заведение принимались лица исключительно женского пола. Меня туда пристроил папа-генерал, который в настоящее время доживал остаток своих дней с новой женой на моей далекой родине во Владивостоке. Поскольку с мачехой мне видеться решительным образом не хотелось, а в Москве оставаться не было возможности после того, как я с треском хлопнула дверью, разругавшись со своим начальством, то я и подалась к тетушке в этот волжский городок – как-никак областной центр.

– Ты хоть к обеду вернешься? – осведомилась тетя, с видимым усилием оторвавшись от своего романа. – Тефтели в холодильнике.

– Посмотрим, – пожала я плечами, – в крайнем случае перекушу по дороге.

Я могла бы этого не говорить – тетушка уже вновь погрузилась в мир злодейских страстей и яростных разборок в американской глубинке.

Спускаясь по лестнице, я подумала: не стоит ли мне получить лицензию? В конце концов, переводами я уже не занимаюсь и абитуриентов в иностранных языках не натаскиваю – это пройденный этап, хотя в первые месяцы моего пребывания здесь я зарабатывала деньги именно таким образом. Но потом судьба круто повернулась, словно солдат по команде «кругом!», и мне пришлось быстренько припомнить учебные навыки и показать, на что я способна.

История давняя, но именно с тех пор я стала работать кем-то вроде суперохраны. Молва о моих способностях быстро распространилась среди определенного контингента заинтересованных лиц, и время от времени озабоченный своими проблемами человек обращался ко мне с предложением немного подзаработать.

Обычно я не отказывалась. Не отказалась и на этот раз, хотя звонивший не уточнил специфики предлагаемой мне работы. Я отправлялась на набережную, чтобы обсудить с незнакомцем детали предстоящей акции и решить, стоит ли мне за нее браться, и если да, то за сколько.

Между тем во дворе уже выносили покойника. Обходя катафалк, я мельком осмотрела собравшуюся компанию друзей и близких сына кассирши овощного магазина. Я наконец вспомнила эту толстую меланхоличную женщину в красных клипсах. Когда я однажды покупала в ее магазине картошку, то она, посчитав цену на калькуляторе, справилась со счетами, которые лежали у нее под рукой.

Я давно замечала, что люди, приходящие проводить человека в последний путь, могут дать исчерпывающее представление о его личности.

Окинув взглядом группу людей во дворе, я могла заключить, что среди знакомых покойного были не только его ровесники, но и несколько лиц более старшего возраста. Они, в свою очередь, различались довольно существенно – и по внешности, и по одежде.

Тут были и застиранные майки с эмблемами спортивных клубов, и изысканные рубашки, которые в Москве можно найти только в дорогих магазинах, посещаемых в основном иностранцами. Особо привлек мое внимание сутулый парень лет тридцати пяти с глубоким порезом на правой щеке и явно бандитской внешностью.

Время, однако, поджимало, и я не могла долго обозревать это скопление людей. Поспешив на троллейбусную остановку, я впрыгнула в заднюю дверь «гармошки», которая уже была готова к отправлению.

Набережная встретила меня отнюдь не прохладным ветром и не брызгами волн. Река сонно колыхалась, вяло донося волны до парапета.

От жары не было спасения и здесь, у воды. Тридцать с лишним градусов выше нуля – это не лучшая температура для какой бы то ни было работы. Если честно, то хотелось одного: тени и пролады. Желательно – на необитаемом острове. Недельная поездка куда-нибудь на север Норвегии тоже бы была в кайф.

Но положение обязывало, и я должна была взвалить на себя новую работу. Пообещав себе, что в конце месяца устрою отпуск явочным порядком, я медленно направилась к месту предполагаемой встречи.

Асфальт под ногами был утыкан ямочками от дамских каблучков. Работающие на всю мощь фонтанчики, разбрызгивающие теплую воду по газону, не давали ощущения свежести.

Итак, я намеревалась осмотреть местность перед встречей с неизвестным.

Район этот я знала достаточно хорошо. Но я знала его как житель города, обычный человек, который время от времени прогуливается по аллеям, сидит на скамеечках, поглощает прохладительные напитки в уличных кафе и задумчиво смотрит на Волгу.

Теперь мне предстояло увидеть знакомые места по-новому, задействовав особое зрение. Для этого я «включила» в своем сознании особый рычажок – как нас учили в разведгруппе.

«Так, отсюда хорошо простреливается шоссе, – замечала я, двигаясь к памятнику, возле которого была назначена встреча, – этот двор, насколько я помню, проходной, сюда же выходит дверь подсобки рыбного магазина. А дальше у нас...»

Машина, стоявшая возле памятника бывшему председателю Союза советских писателей Федину, просигналила три раза. Это был условный знак, о котором мы договорились по телефону.

Однако! Этот тип прискакал сюда за полчаса до назначенного времени!

Выходит, либо он сущий бездельник, либо чересчур взволнован. И то, и другое с моими клиентами бывало, но они обычно запаздывали, а не приходили заранее. Значит, клиент особенный. И случай у него наверняка тоже особенный. По крайней мере он так думает. Что ж, раз сигналият, нужно идти.

Я побрела к машине и, остановившись возле распахнутой дверцы, вопросительно посмотрела на водителя. Им оказался спортивного сложения лысоватый мужчина лет пятидесяти с небольшим.

– Вы Охотникова? – спросил он. – Давайте поговорим в машине, садитесь. Тут у меня кондиционер... Ах, черт, я ошибся. Это же не моя машина.

Такое начало разговора мне не понравилось, но я решила выяснить, что же будет дальше, обошла автомобиль – старая модель «Жигулей» – и, дождавшись, пока мне откроют дверцу, села рядом с водителем.

– Понимаете, я взял машину своего шофера, – оправдывался мужчина. – Мой личный автомобиль знают многие – синий «Бугатти» как-никак, такой в городе один, – и мне бы очень не хотелось... Ну, вы понимаете.

– Не хотелось рисковать?

– Вот именно.

– А по-моему, вы очень рискованный человек, – отозвалась я, – или, что, в общем, то же самое – очень нетерпеливый.

– Почему вы так думаете? – удивился водитель. – Мне всегда казалось, что я...

– Потому что вы окликнули какую-то Охотникову, а когда женщина подошла к вашему автомобилю, сразу начали ей что-то объяснять, не дождавшись, пока она себя назовет. Разве это не риск?

Мужик побледнел. Он не знал, как реагировать на мои слова. С одной стороны, я могла оказаться действительно не той женщиной, которую он ждал. С другой – с какой стати мне садиться к нему в машину и пускаться в логические рассуждения относительно свойств его характера?

Чтобы прервать паузу, я достала из сумочки паспорт и продемонстрировала его своему собеседнику. Фото, конечно, не ахти, но узнать можно.

Тот успокоился и, смахнув со лба пот огромным шелковым носовым платком, соизволил улыбнуться. Впрочем, расслабляться этот человек явно не хотел или не умел и, снова нахмурившись, спросил:

– А чего ж вы мне мозги морочите? Это у вас что, привычка такая?

– Как мне вас величать? – спросила я, не собираясь удовлетворять его неуместное любопытство.

– Да-да, вы правы, – засуетился он, – нам давно пора перейти к делу.

Он полез в карман, тоже, наверное, за паспортом, но я его остановила.

– Вы что, не можете сказать так? Мы же с вами не в загс идем, в конце концов.

– Кургулин, Павел Филимонович, – отрекомендовался будущий клиент. – Минеральная вода «Свежесть улыбки» и фруктовые соки. Три года на рынке.

– Очень приятно, – сказала я человеку, а также минеральной воде с фруктовыми соками.

Очевидно, Павел Филимонович Кургулин настолько отождествлял себя со своим бизнесом, что считал нужным добавить к фамилии обязательную фразу о нем, хотя я об этом пока не спрашивала. Наверное, подобная форма знакомства уже вошла у него в привычку.

– Итак? – я вопросительно посмотрела на него. – У вас проблемы?

– У меня? – удивленно переспросил Кургулин. – Да нет, в общем-то.

– Тогда что я здесь делаю? – улыбнулась я. – Отвезите меня домой, и спасибо за компанию.

– Нет-нет, погодите, – Кургулин снова достал платок и промокнул лысину. – Я, собственно, волнуюсь не за себя. Просто...

Ему трудно было говорить. Павел Филимонович явно был склонен к апоплексии, несмотря на довольно спортивное телосложение.

– Просто... Дело уж больно щекотливое, в двух словах не расскажешь.

– А вы не ограничивайте себя, – предложила я. – Это в американских книжках человек заходит к адвокату, а тот орет ему с порога: «Минута моего времени стоит тысячу долларов. Время пошло». У нас пока такого не наблюдается.

– Вот и славно, – пробормотал Кургулин. – А то бы я с вами уже разорился.

– Но тем не менее время – все равно деньги, – улыбнулась я, – тут уж никуда не денешься, поэтому не будем затягивать вступительную часть.

– Хорошо, – согласился со мной Павел Филимонович. – Мне требуется помощь.

– Так все-таки вам?

– Ой, да не перебивайте же вы меня! – взмолился Кургулин. – Сейчас я сформулирую. Так о чем мы с вами говорили?

– О деньгах и о помощи.

– Да, о деньгах, – спохватился Кургулин, полез в карман, достал оттуда толстенный бумажник и продемонстрировал мне его содержимое.

Центральное отделение было набито пятисотенными бумажками, рядом с ними лежала стопка стодолларовых и несколько банкнот в тысячу дойчмарок. Отъехавшая в сторону «молния» скрывала еще одно отделение, в котором мирно покоились бок о бок пластиковые карточки Visa и Eurocard.

Показав мне это хозяйство, Кургулин закрыл бумажник и вернул его на место.

– Как видите, в средствах я не стеснен. То есть заплачу, сколько скажете. В разумных, конечно, пределах. Я, впрочем, и так вижу, что вы человек ответственный и обязательный, так что...

– В чем будет заключаться моя работа? – спросила я очень четко и размеренно. – Время, объект, особые обстоятельства.

– Ага... Давайте тогда я изложу все по порядку. Объект – это сын. Не мой, конечно. Моего погибшего друга. Ему угрожают.

Н-да... Чем дальше, тем меньше мне нравился этот разговор. Дело в том, что Павел Филимонович Кургулин беззастенчиво врал.

ГЛАВА 2

Определить, когда человек лжет (говорит неправду, привирает, фантазирует), довольно несложно. Просто люди обычно не ставят себе такой цели – следить одновременно за тем, что говорит человек, как он это говорит и что он при этом делает.

Ну, например, начинает вдруг подыскивать слова, меняет темп речи, принимается жестикулировать. Если прислушаться, то можно заметить изменения в тембре голоса; особенно хорошо это наблюдается в интонации.

На курсах в разведгруппе мы практиковали такой прием: двое людей садились друг напротив друга и, глядя прямо в глаза, по очереди описывали свои внутренние ощущения на данные пять минут.

От говорящего требовалось несколько раз приврать, а от слушающего – угадать, в чем именно заключается ложь. Практически всем это удавалось, не с первого раза, так с пятого.

Итак, я не сомневалась в том, что Кургулин лгал. Но, в конце концов, какое мне до этого дело? Я же не занимаюсь поисками конкретной правды или абстрактной истины, мои обязанности куда более скромны.

– Кто же угрожает этому самому сыну вашего друга? – спросила я.

– Не знаю, – отмахнулся Кургулин. – В это вы не вникайте. Требуется охрана. Надежная, профессиональная охрана. Круглосуточная.

– И сколько, по-вашему, это продлится? – поинтересовалась я.

– От силы два дня, – прикинул Кургулин, – начиная с трех часов пополудни сегодня. Но главное условие – это полная конфиденциальность. Никто не должен ничего знать. Понимаете – никто!

– Запомните на будущее, Павел Филимонович, я не имею привычки трубить на каждом углу о проблемах своих клиентов, – жестко заметила я.

На этот раз Кургулин не стал уточнять, что это, мол, не его проблемы, а снова вернулся к денежной теме. Он пообещал мне:

– Двое суток, от силы трое. Но вы будете рядом с парнем по двадцать четыре часа. Понимаю, что это тяжело, но, поверьте, я вас не обижу.

– Время – деньги, – напомнила я ему. – Час будет стоить вам сто долларов. Плюс тысяча по окончании работы. Устраивает?

– А за что эта надбавка?

– За вредность, – ответила я. – В такую погоду вредно работать.

– И не говорите, – скороговоркой начал бормотать Кургулин, заводя машину, – по радио передавали, что в Тель-Авиве плюс двадцать четыре! В Тель-Авиве! А у нас тридцать шесть.

Под аккомпанемент кургулинской болтовни про погоду мы минут десять колесили по городу. Павел Филимонович говорил не переставая, словно боялся, что я вдруг возьму да и передумаю.

Но отказываться от работы мне не хотелось. Почему? Потому что деньги – это время.

Отработав определенную сумму у какого-нибудь озабоченного коммерсанта, я могла затем неделю-другую отдыхать и ублажать свою тетушку детективами, а себя – новыми голливудскими фильмами.

Скажу не таясь, я настолько подседа на видео, что платила бешеные деньги за то, чтобы мне доставляли новинки, еще не вышедшие в прокат даже в Америке. Иногда возникало впечатление, что пленки крали прямо с монтажного стола. А поскольку с языками у меня было более чем нормально, то смотрела я их без перевода.

Кургулин притормозил возле пятиэтажного дома сталинской постройки в центре города.

Основательное здание, несмотря на свой возраст, было вполне конкурентоспособным по сравнению с новостроем, по крайней мере – с фасада.

Если дома, в которых селились богатые предприниматели, политики, бандиты и их многочисленные родственники, выглядели роскошно и помпезно, но как бы демократично, то в домах, подобных тем, к которому меня подвез Кургулин, проглядывала претензия на имперский стиль.

– Это здесь, – сказал Кургулин, высматривая из окна машины балконы здания. – Квартирка не Бог весть какая, но все же центр.

Когда мы вышли из машины, Павел Филимонович открыл багажник «жигуленка» и, пыхтя, достал оттуда продавленную раскладушку.

– Это вам, – «обрадовал» он меня. – Извините, что не смог приобрести что-то более пристойное. Время, видите ли, поджимает.

Поскольку я никак не среагировала, Павел Филимонович счел нужным подчеркнуть:

– Уж за пять с лишком косых можно и на раскладушке поспать, правда ведь?

Поднявшись на второй этаж, Кургулин трижды позвонил в дверь с номером тринадцать.

Послышались шаги, «глазок» на секунду потемнел, затем дверь распахнулась.

На пороге стоял молодой человек в шортах и темных очках. Он явно был недоволен.

– Привел все-таки, – кивнул он в мою сторону. – Я же просил...

– Ладно-ладно, – перебил его раздраженный Кургулин. – Ты давай помалкивай. Разговорчив больно... Когда надо, от тебя полслова не добьешься, а как что не так – хоть слесаря вызывай фонтан перекрывать. Помог бы лучше, видишь, у меня груз.

И он протянул юноше раскладушку. Тот посмотрел на этот предмет, как породистая кошка персидских кровей могла бы посмотреть на скелет умершей от истощения мыши, который ей предлагают на обед.

– Ты зачем это приволок?

– Как зачем? Спать, – Кургулин старался побыстрее зайти вместе со мной в квартиру и захлопнуть дверь.

– Спа-ать, – усмехнулся юноша. – У тебя только одно на уме...

Тут Павел Филимонович бросил раскладушку возле вешалки, схватил молодого человека за рукав, утащил в комнату и захлопнул за собой дверь.

Я осталась стоять в коридоре. До меня донеслись недовольные реплики юноши и уговаривающий, наставительный голос Кургулина.

Не имея никакого желания подслушивать, я прошла на кухню и выкурила там сигарету «Мальборо», созерцая недвижные пыльные кроны тополей, томящихся в безветренном летнем мареве.

«Прямо как в духовке, – подумала я, гася сигарету. – Дождя бы с грозой».

Мой клиент тем временем закончил свои нравоучения и решил представить мне объект, при котором я должна была находиться денно и ночью.

– Это Антоша. То есть Антон, – поправился Кургулин, похлопывая юношу по плечу.

– Женя, – коротко представилась я. – Мы будем выходить из дома?

– Ни в коем случае, – ответил за парня Кургулин, хотя тот уже открыл рот. – Находиться только в квартире, открывать только мне.

– На три звонка?

– Именно, – подтвердил Павел Филимонович. – Всех остальных – посылать.

Юноша вдруг рассмеялся.

– Куда посылать? – спросил он, ехидно глядя на Кургулина.

Тот повернулся к нему и очень серьезно посмотрел парню в глаза.

– Сам знаешь, – ответил Павел Филимонович, как будто речь шла не об обычной матерной фразе, а о чем-то крайне существенном.

Кургулин через минуту свалил, предварительно покопавшись в тумбочке под телевизором и прихватив с собой какие-то газеты. Мы остались вдвоем.

Антоша натужно, явно желая показать, что мое общество ему неинтересно, зевнул.

– Вы вот что, – сморщил он переносицу. – Не воняйте здесь больше.

– Что-о?

Молодой человек помахал рукой перед носом, как бы разгоняя воздух.

– Не выношу сигаретный дым, – пояснил он. – И вообще...

– В контракте нет ни строчки о том, что я должна выполнять ваши желания, – заявила я, немедленно доставая из пачки следующую сигарету. – Но, если вы как следует попросите, я, может быть, и соглашусь не курить здесь. Ну так как, юноша?

Юный объект охраны скорчил такую рожу, как будто проглотил сразу половину лимона.

– Я. Очень. Прошу. Вас. Не. Курите. Пожалуйста, – проговорил он. – Этого достаточно или встать перед вами на колени?

– Достаточно, – милостиво согласилась я, пряча пачку «Мальборо».

Антоша дернул плечом и вышел из кухни. Я еще немного поглядела в окно – на небе не было даже намека на самое хилое облачко – и прошла в комнату.

Парень сидел на диване, уложив ноги на стол, и листал журнал. Он явно не собирался вступать со мной ни в какие разговоры.

Да и мне не очень-то хотелось, если честно. Молчание – вещь настолько редкая по нашим временам, что я была даже довольна сложившейся ситуацией.

Чего нельзя было сказать об Антоне. Он явно тяготился наступившей тишиной и моим присутствием. Поскольку он не испытывал ко мне добрых чувств, а молчание явно переносил плохо, то можно было предполагать, что рано или поздно он начнет меня доставать.

Но пока чаша его терпения не переполнилась, я медленно ходила по комнате, осматривая стеллажи. И обнаружила там кое-что интересное.

А именно – полочку с видеокассетами. Бок о бок, прижавшись друг к другу, стояли коробки с фильмами Джармена, Фасбиндера, Висконти и Пазолини.

Возле видика лежала пустая оболочка из-под киноленты «Мой личный штат Айдахо» с полуобнаженным Киану Ривзом на обложке.

Это говорило о многом.

Впрочем, я с самого начала поняла, что невнятная байка моего клиента о сыне умершего друга – это версия для дураков.

Павел Филимонович Кургулин и Антоша явно состояли, что называется, в интимных отношениях. Очевидно, мой клиент снимал эту квартиру для своего партнера. И не менее очевидно, что Антон поддерживал эту связь исключительно из соображений экономического характера.

Впрочем, меня почти не интересовали подобные детали. В конце концов, мне-то какое дело, кто с кем и как спит? Вернее, активно бодрствует.

Надо сказать, что Павел Филимонович не жалел денег на своего бой-френда и стремился оснастить его быт всеми возможными благами цивилизации.

Помимо хорошего телевизора с полуметровой диагональю и навороченного музыкального центра, здесь был еще компьютер и куча сиди-ромов с трехмерными игрушками, большей частью стрелялок.

На полках громоздились груды иллюстрированных журналов, книги в мягких обложках, фотоальбомы. Возле невесты откуда взявшейся среди этого изобилия стандартной японской «мыльницы» – магнитолы, к тому же слегка поцарапанной, – стояла стопка кассет с поп-музыкой и несколько записей Чайковского.

На кухне также все было тип-топ: комбайн, чайник, электроплита и двухэтажный холодильник. Такая роскошная однокомнатная камера.

– Ну что ты шляешься тут перед глазами? – не выдержал Антон. – Сядь куда-нибудь, вот хоть видик посмотри или там книжку почитай.

– Видик – это с удовольствием, – согласилась я. – У тебя неплохой подбор фильмов.

– Это Паша приволок, – Антон снова скривил кислую рожу. – Я пробовал смотреть, так там скучища сплошная. Как такое снимают?

– Ты так думаешь? – улыбнулась я. – Давай-ка попробуем посмотреть что-нибудь вместе. Ну, например, Висконти «Смерть в Венеции».

Следующие три с лишним часа я терпеливо просвещала Антошу насчет того, что такое настоящее европейское кино и с чем его едят.

Сначала парень язвил и куксил, но потом постепенно вошел во вкус и стал кое-что просекать. Мы просмотрели историю любви стареющего профессора к ангелоподобному подростку буквально по кадрам, и ближе к концу фильма Антон уже делал более-менее внятные замечания.

– А я думал, что американцы – лучше всех, – почти виновато проронил он после того, как фильм закончился. – Оказывается – нет.

– У них совсем другой подход, – пояснила я. – И к самому кино, и к зрителю, который его смотрит. Кому что нравится...

Антон, казалось, сменил гнев на милость и предложил мне поужинать.

Это было весьма кстати, так как я не вняла совету мудрой тетушки и не перекусила перед тем, как идти на встречу с Кургулиным.

Вместо голубцов тети Милы, тщетно ожидавших моего возвращения, я ела этим вечером разогретые в печке юмбобургеры быстрого приготовления – наверное, Кургулин закупил оптом американские продукты в каком-нибудь ресторане – холодильник буквально ломился от чизбургеров и биг-маков.

Быстро темнело.

Вместо чаемой вечерней прохлады, которой все ждали как жениха с фронта, на улице стояло нечто неопределенное – душная мгла, обволакивающая редких прохожих и обжигающая легкие сгустившимся воздухом.

«Однако Кургулин мог бы приобрести своему бой-френду и кондиционер, – думала я, устраиваясь в коридоре на раскладушке. – Впрочем, Москва не сразу строилась, может быть, у него эта покупка стоит в перспективных планах. А возможно, Антон любит жару».

Хотя, как можно любить такое пекло, я себе плохо представляла. Климат Приморья, где прошло мое детство, приучал к довольно прохладному лету.

Антон, несмотря на симпатию, которой он ко мне проникся после киноведческой лекции, все же не додумался предложить мне диванчик и сейчас ворочался на нем с боку на бок, стараясь заснуть.

Мальчишка, конечно, избалованный донельзя, но все же неплохой. И потом, Женя, ты ведь не в гости к нему пришла, это твоя работа. Надо будет – и на коврик возле кровати поспишь.

Примерно с такими мыслями я начала медленно отключаться, программируя тело на внесознательное бодрствование по специальной методике, которую мы проходили в разведгруппе еще на первом курсе.

Ее суть состояла в том, что тело должно спать – тело как целое, но его части, отвечающие за безопасность, должны в любой момент включиться, едва внутренние датчики уловят сигнал снаружи. Включиться, но не переносить эту информацию в сон, а немедленно разбудить тебя.

Что, собственно, и произошло. По моим биологическим часам, около трех ночи.

Антон, видимо, проснувшись, решил, что негоже валяться одному на своем диванчике, когда рядом в двух шагах на раскладушке располагается вполне приемлемый сексуальный объект, пусть даже и женского пола.

Парень на цыпочках подкрался к раскладушке и, пыхтя как паровоз, попытался забраться ко мне под простыню, но встретил мощный тычок под ребра.

– Ты чего? – охнув и потирая ушибленное место, обиженно спросил он.

– А ты чего? – окончательно продрав глаза, ответила я. – Могу лишь повторить то, что я сказала ранее: в контракте нет ни строчки о том, что я должна выполнять желания охраняемого мной человека. И в отличие от курения можешь даже не просить об одолжении и на колени не бухаться. Все равно ничего не выйдет.

– Вот, блин, ревнивый козел! – выругался Антон. – Бабу охранником приставил. Да и та не дает. Комедия прям какая-то!

– Не хами, – строго сказала я. – Нам с тобой еще кучу фильмов придется просмотреть. Дружба дружбой, как говорится. Но сейчас я на работе.

– Ну ладно, – вздохнул Антон и побрел восвояси, тяжело шлепая пятками по линолеуму. – Извини, если что не так.

– Спокойной ночи, – проронила я вслед ему и снова натянула на плечи простыню.

* * *

Утром мы пили кофе.

В шкафчике на кухне отыскался большой пакет молотого «чибо-мокка», и Антон, вставший довольно поздно, – видимо, сказывалась богемная привычка, – сварганил нам по двойной порции, добавив в турку несколько ложек сахара, щепотку соли и чуточку перца. После такого кофе хотелось жить, любить и работать.

Насчет «работать», правда, возникли определенные проблемы.

Покончив с кофе, мы включили радио, чтобы послушать местные новости на это утро.

Среди уже привычных сетований по поводу судьбы будущего урожая, репортажа о прибытии в наш город делегации из Таиланда и информации об открытии конкурса бальных танцев, затесалась одна новость, которая значительно усложнила нашу с Антоном жизнь.

В блоке уголовной хроники проскользнуло сообщение о гибели известного в городе предпринимателя, Павла Кургулина, хозяина компании «Свежесть улыбки», выпускавшей минеральную воду и фруктовые соки. Диктор известил нас о том, что мой клиент погиб при невыясненных обстоятельствах и что «по факту гибели предпринимателя возбуждено уголовное дело».

Формулировка «погиб» была настолько размытой, что под нее можно было подверстать что угодно – от открытого канализационного люка, в который рухнул зазевавшийся Кургулин, до дюжины пуль в голове моего клиента. Но, как бы там ни было, его уже нет в живых.

Антон, выслушав последние известия, выключил радио, посидел молча секунд тридцать, а потом, уронив голову на стол, заплакал.

Рыдал он долго и искренне. Я даже устыдилась своих вчерашних мыслей, касавшихся меркантильности молодого человека. А вдруг он действительно серьезно относился к чувствам своего старшего друга?

Спина Антона сотрясалась от рыданий. Глотая слезы, он пробормотал:

– И куда я теперь?

Я ничего не могла ответить на этот брошенный самому себе вопль и лишь положила руку на плечо плачущего Антона. Парня действительно была истерика.

– Он же квартиру мне снимал, понимаете вы? – Юноша поднял лицо и уставился на меня покрасневшими глазами. Крупные слезы одна за другой катились по его щекам и зависали на подбородке.

– Понимаю, – тихо отозвалась я. – Надо найти в себе силы.

– Ничего вы не понимаете, – злобно посмотрел на меня Антон, как будто это я своими руками пришила его спонсора. – Мне что теперь, снова на улицу идти? Вы представляете себе вообще, что это такое?

– Чисто теоретически, – уже менее дружелюбно ответила я. Антон все же оплакивал не Кургулина, а свое беззаботное прошлое и неопределенное настоящее. Все-таки молодые люди в большинстве своем эгоисты.

– А деньги? – снова начал жаловаться Антон. – Я же без копыя тут сижу. Паша как раз сегодня обещал подкинуть мне денег!

– Это судьба, – философски произнесла я. – Лишний повод задуматься о жизни.

В дверь позвонили.

Антон сразу насторожился и зашептал, склонившись к моему уху:

– Не открывайте, ни в коем случае не открывайте. Паша вас предупреждал.

– А что, мы так и будем сидеть взаперти? – парировала я. – Надо хотя бы посмотреть.

– Только в «глазок», до замка даже не дотрагивайтесь, – умолял Антон.

Я прошла в коридор и сначала прислушалась к звукам с лестничной площадки. Вроде ничего подозрительного. Затем осторожно наклонилась к дырочке дверного «глазка». В круглом искаженном стекле передо мной предстала выпуклая полная брюнетка средних лет.

ГЛАВА 3

– Кто там? – шепотом спросил меня Антон, появляясь в коридоре.

– Какая-то женщина, – пожалала я плечами. – Явно стервозного вида.

– Этого еще не хватало, – вздохнул парень. – Ну и дела!

– Она уже уходит, – успокоила я его, теряя из виду спину удаляющейся визитерши. – Кто бы это мог быть, по-твоему?

– Да кто угодно! – тяжело вздохнул Антоша. – Мне даже думать об этом не хочется.

Он вернулся в комнату и рухнул на диван, обхватив голову руками.

– Ну что, жизнь кончена? – насмешливо спросила я, уставясь на юношу. – Тебе сколько лет-то? Двадцать? Двадцать пять?

– Девятнадцать, – трагическим голосом произнес Антон. – А ваш юмор кажется мне неуместным. В конце концов, у меня трагедия.

– Смерть спонсора – всегда трагедия, – согласилась я, усаживаясь рядом. – А как у тебя насчет специальности? Ты что-нибудь делать умеешь?

– Я умею все, – жестко ответил Антон. – Но особые услуги – по особой цене.

– Да я не про это, – усмехнулась я. – Телом, в конце концов, можно зарабатывать только до определенного возраста. А что потом?

– До «потом» еще надо дожить, – философски изрек Антон. – А я чувствую, что доползти до пенсионного возраста мне не суждено.

– Весьма распространенная точка зрения в девятнадцать лет, – заметила я. – Сначала – романтический угар, потом – расстроенное здоровье. И в результате – полунущенное существование в старости. Вот на самом деле какую цель ты себе ставишь.

Антон злобно посмотрел на меня, но спорить не стал. Похоже, его сейчас больше интересовал практический аспект его дальнейшей жизни.

Он обвел комнату глазами, задумался ненадолго и немного повеселел.

– А чего это я комплекую? – спросил он сам себя и сам же себе ответил: – Нет причин для печали. Пашу, конечно, безумно жалко, слов нет. Но жизнь-то продолжается, правда, Женя?

Антон заметно взбодрился, видимо, шок первых минут прошел, и теперь парень прикидывал, как ему, что называется, «жить дальше». Он ходил по комнате с блокнотом и выводил в нем какие-то цифры.

– Честно говоря, Паша сам наверняка вляпался во что-то такое, – юноша повертел рукой в воздухе, что должно было обозначать превратности жизни бизнесменов в новых исторических условиях. – Фирма-то у него – ого-го-го! Деньги опять же в него вкачали. Так что не исключено, что кто-то из компаньонов-конкурентов постарался. Такое ведь сейчас на каждом шагу, правда?

– Правда, – подтвердила я. – И все же мне кажется, что в первые секунды ты подумал о чем-то другом. Я не ошиблась?

Антон раздраженно передернул плечами и не стал отвечать на мой вопрос.

Но я была уверена, что сначала юноша действительно подумал о том, что смерть Кургулина имеет прямое отношение к его, Антона, интимной связи с Павлом Филимоновичем. Или, как минимум, что тайна смерти моего клиента имеет отношение к его сексуальной ориентации. Но сейчас, похоже, Антон отмахнулся от этих опасных мыслей.

– Так, значит, еще два «лимона»... – застыл он над блокнотом, грызя колпачок ручки. – Или два с половиной? Впрочем, какая разница... Это же на первое время. Так, а сколько потянет эта машинка?

Он внимательно осматривал музыкальный центр, словно посетитель ярмарки рабов, выбирающий недорогую, но крепкую рабочую силу.

– У меня дружан в ремонтной мастерской работает, – пояснил он. – Если скинуть за полцены – то сразу все возьмет. Поначалу как-нибудь прокантуюсь, а потом что-нибудь придумаю.

В дверь снова позвонили.

Антон вздрогнул и выронил свой блокнот с подсчетами предполагаемых сумм.

Звонили долго, непрерывно и настойчиво. Я уже пошла в коридор, как вдруг в замочной скважине стал поворачиваться ключ.

Дверь отворилась, и в квартиру ворвались два коротко подстриженных парня в серых халатах, накинутых поверх их костюмов. В такую жару костюмы могли носить только люди с кобурой под мышкой.

Вслед за ними вошла женщина – та самая, которую я имела возможность наблюдать в дверной «глазок». Замыкал шествие испуганный старичок с палочкой, чувствовавший себя очень неудобно.

– Да, видите ли, – обратился он ко мне. – Такая неприятная ситуация...

Женщина молча стояла в коридоре и смотрела то на меня, то на Антона. Мое присутствие в квартире, казалось, ее слегка удивило.

А в это время парни в халатах методично вытаскивали из квартиры тумбочки, магнитофоны, телевизоры, холодильник, стулья, ковры и кресла.

– Что... что вы делаете? – обратился к ним Антон. – Кто вам разрешил?

Он даже попытался преградить им дорогу, но один из «грузчиков» отстранил парня даже не движением руки, а так, слегка повел ладонью, и Антон вынужден был прижаться к стене, чтобы дать им пройти. На его вопрос никто даже и не подумал отвечать.

– Я терпела, пока Паша был жив, – наконец заговорила женщина. – Но теперь меня ничто не останавливает, и у меня развязаны руки.

Словно демонстрируя эту мысль, она подняла ладони к лицу и пошевелила пальцами. Затем незваная гостья снова посмотрела на Антона и нехорошо усмехнулась.

– Так вот на кого он меня променял? – хмыкнула она. – Ну что ж, дело прошлое, сердцу – или у мужиков иной орган является более важным, а? – не прикажешь. Но теперь все кончено. Я вывожу мебель.

– Как? – жалобно охнул Антон. – Может быть, мы с вами побеседуем? Вы...

– Зоя Сергеевна, – коротко бросила ему женщина. – А говорить нам с вами не о чем.

– Но позвольте...

– Не позволю, – отрезала Зоя Сергеевна. – Я и так уже много чего позволяла.

Антон беспомощно развел руками и посмотрел на меня, как бы прося помощи.

Но я не намеревалась вмешиваться. Честно говоря, вся эта ситуация начинала меня напрягать.

Сначала меня выдергивают из дома, обещают кучу денег, демонстрируют набитый валютной бумажник и везут на квартиру к избалованному юнцу, которого я должна охранять денно и ночью. Затем мне приходится осаживать наглого юношу, читать ему лекции о киноискусстве и отбиваться от попыток переспать со мной. Потом клиента кто-то грохает, и вдобавок ко всему приезжает его вдова и очищает квартиру.

И от меня еще требуют помощи и сочувствия. Вместо того чтобы подумать о том, что мой труд, между прочим, должен быть оплачен.

– Сколько добра! – снова подал голос старичок, восхищенно провожая глазами уносимый стриженными под бокс качками телевизор.

Антон вскипел.

– А вы-то кто такой? Что вам вообще здесь надо? – закричал он с плаксивыми нотками в голосе. – Вы что, Пашин отец? Или дед?

– Я? – удивился старичок. – Я хозяин этой квартиры. Сдавал собственность Кургулину Павлу Филимоновичу. А что? Платил он вовремя, а чем вы тут с ним занимались, меня не касается. Сейчас, говорят, это можно, не сажают. А зря, если по правде...

– Сталинист недобитый, – фыркнул Антон. – А, делайте что хотите!

И он уселся прямо на пол, там, где еще пять минут назад край ковра был заправлен под плинтус. Юноша уже смирился с происходящим, и в его глазах металось какое-то роковое отчаяние.

– Что, не нравится?! – злорадно посмотрела на него Зоя Сергеевна. – То-то же! Хватит с тебя красивой жизни, по крайней мере, за мой счет.

– За ваш счет? – огрызнулся Антон. – Это с какой же стати?

– Язычок прикуси, – посоветовала ему Зоя Сергеевна. – Говорлив больно. Сколько мой муж тебе платил? А? В месяц сколько на тебя уходило?

– Раз говорите, что это были ваши деньги, то вам виднее, – ответил Антон.

– М-мерзавец... И это при двух взрослых дочерях! Нет бы им на приданое откладывать!

Зоя Сергеевна посмотрела на меня и, вдруг опомнившись, спросила:

– А это еще кто? Что вы тут делаете? Тоже из этих... уличных?

– Я не обязана вам ничего объяснять, – заявила я. – Могу лишь сказать, что выполняла кое-какие поручения вашего покойного супруга.

– Да? – Зоя Сергеевна снова смерила меня недобрим взглядом. – На шлюху вы не похожи. Значит, что-то связанное с деньгами.

Я продолжала молчать.

– Какого же рода были эти поручения? Что, не хотите отвечать? Ну и черт с вами!

Зоя Сергеевна демонстративно плюнула на середину комнаты и, развернувшись, вышла вон.

Ее подручные вынесли из квартиры все, что можно было вынести. Остались только голые стены с темными пятнами на обоях – там, где раньше стояла мебель. Сняли даже люстру.

Владелец квартиры немного задержался, робко потоптался возле неподвижно сидящего на полу Антона и наконец осмелился спросить:

– Ключики у вас можно получить назад? Вставайте, молодой человек, мне нужно идти новых квартирантов искать. Да и вам пора...

Антон, не глядя на старичка, вытащил из кармана два ключа на брелоке – позолоченный фаллос с крылышками – и протянул его старику.

Тот быстро отцепил ключи и вернул брелок юноше, стараясь не смотреть на непристойную безделушку. Антон с трудом поднялся и, пошатываясь, вышел из квартиры. Уже на лестнице он спросил меня:

– Денег одолжите? Я вам верну, честное слово. У меня сейчас... Ну, вы сами понимаете, какая ситуация. Сотни три-четыре, а?

Я озабоченно покачала головой, но две сотни дала. Как-никак мы с Антоном оказались товарищами по несчастью.

Парень аккуратно записал мой телефон на каком-то огрызке бумаги, и мы распрощались. Я отправилась к себе домой, а юноша – невесть куда, надеюсь, начинать новую самостоятельную жизнь.

* * *

За четыре дня, прошедшие с того момента, как я вышла вместе с Антоном из ободранной квартиры, я почти не вспоминала об этой дурацкой истории.

Разумеется, я не стала даже пытаться отжимать деньги с Зои Сергеевны. Во-первых, наши с Кургулиным деловые отношения никак не были оформлены, во-вторых, ситуация была явно

не та, чтобы требовать заработанное мной даже за те двенадцать часов, которые я провела в квартире Антона. Меня бы просто не стали слушать.

А раз дело не выгорело, то лучше о нем забыть. Как и вообще о прошлом. «Кто не умер вчера – не ожил сегодня», – так говорил мне инструктор разведотряда во время психотренинга.

Нас учили не только бросать гранаты и заниматься прослушкой, но и натаскивали на адекватное эмоциональное состояние – что бы ни произошло, ты всегда должен чувствовать себя на сто один процент.

В противном случае, какая может быть польза даже от самого опытного профессионала, если он способен поддаться неуправляемым эмоциям?

Так что я следовала доброму совету своих учителей и никогда не сожалела о прошлом, предпочитая жить сегодняшним днем, изредка заглядывая одним глазком в будущее – вдруг там появится что-нибудь интересное?

Но однажды вечером в моей квартире раздался телефонный звонок.

Я услышала в трубке голос молодого человека. Похожий на голос Антона. Неужели юноша решил вернуть мне деньги? Очень похвально, если так.

Оказалось, что не так.

Звонил некий Костя. Сослался на Антона. Сказал, что дело серьезное, и попросил уделить ему полчаса времени.

Я назначила встречу на этот же вечер и отложила все дела в ожидании визита. Молодой человек пришел без опозданий, причем не один. С ним был некий Валя, как он представил мне своего голубоглазого спутника, одетого в оранжевую футболку.

Костя оказался высоким парнем спортивного вида. Ему было явно за двадцать. Валя казался помоложе, но старался держаться подчеркнуто солидно.

– Чем могу? – спросила я, когда гости сбросили обувь и прошли в комнату.

– Мы не сможем платить вам много, – быстро заговорил Костя. – Но вам не стоит отказываться от работы, которую мы хотим предложить.

– А почему?

– Потому что надо браться за любую работу, которую тебе предлагают, – встрял в разговор Валя. – Это сейчас закон выживания.

– И что я должна делать, чтобы выжить с вашей помощью? – спросила я.

Визитеры не уловили иронии в моем голосе. Костя ответил совершенно серьезно:

– Мы хотим вас нанять, чтобы вы нас охраняли. Говорят, у вас это здорово получается.

– И кто же вам такое говорит? – продолжала я выяснять подноготную.

– Антон, – выглянул из-за спины приятеля Валя. – Это он нам про вас рассказал. Говорит, что Кургулин нанял для него женщину-профессионала. И мы тоже хотим. Ну как, согласны?

Я озабоченно покачала головой и, поглубже усевшись в кресле, закурила.

– Начнем по порядку, – предложила я. – Вы, как я понимаю, зарабатываете себе на молодую жизнь тем же способом, что и Антон. Верно?

– Да, – не без вызова ответил Константин. – Мы торгуем телом. А что такого? Кто-то продает свои руки, рабочий например. Ученый продает свои мозги. Фотомодель – свою фигуру. А мы...

– Ну да, можете не продолжать. А вы что, работаете самостоятельно? У вас ведь наверняка есть сутенер или какая-нибудь «крыша»? – спросила я.

– Фредди на нас наплевать, – снова включился в разговор Валя. – Ему только деньги выкладывай, а все остальное – до фени. Гонит, блин, в любую погоду к Колхозному рынку – знаете, у нас там тусовка на троллейбусной остановке? А ведь работа такая, что может произойти все, что угодно. Понимаете?

– Фредди? – переспросила я. – Это как Фредди Меркьюри из «Куин»?

– Скорее как Фредди Крюгер, который с улицы Вязов, – улыбнулся Костя.

– Ну хорошо, пусть так, – согласилась я. – Значит, этот Фредди не обеспечивает вам безопасность. Но как вы себе представляете мою работу? Я что, должна стоять рядом, пока вы с клиентом...

Костя немного замялся и вопросительно посмотрел на своего спутника.

Похоже, они с Вале́й не до конца продумали свое предложение и теперь попали впросак.

– Это все детали, – решительно заявил Валя. – Главное, чтобы вы согласились в принципе. А остальное будет видно по ходу дела.

– Хороши детали, – покачала я головой. – А что вы там говорили насчет денег?

– Ну, – кашлянул Костя, – кое-что у нас имеется. Скажем, мы вполне можем отстегивать вам пять сотен за ночь, правда, Валь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.